

Глава 7

Лекарь Ци вместе с работником из дома старосты пригнали воловью повозку, на которой восседал приглашённый из города врачеватель.

Это был статный старец с белоснежными, точно лебяжий пух, бровями и волосами, но взгляд его оставался острым и пронизательным. Сначала он коснулся запястья бесчувственного Ван Чжуанцзы, проверяя пульс, затем приподнял ему веки. Бросив лишь беглый взгляд на полуживую Чжэн-ши, старик стремительно набросал в блокноте несколько иероглифов и сунул листок лекарю Ци.

— Всего-то резь в животе да понос, а вы деда за тридевять земель погнали! — проворчал он, явно недовольный тем, что его потревожили по такому пустяковому поводу.

Собравшиеся облегчённо выдохнули. Слово деревенского травника могло вызывать сомнения, но городскому специалисту верили безоговорочно. Раз он сказал «пустяк», значит, никакой чумы нет.

Однако, хоть угроза мору и миновала, слава о семье Ван теперь была безнадежно испорчена. Добросердечные старухи порывались было донести на них в управу, но рассудительные люди их осадили: кража или торговля людьми — дело серьёзное, но ведь Ваны никого не продали, за что их судить? Поймать за руку не успели, а за мысли лихие в империи не казнят.

В этот момент тишину прорезал отчаянный крик:

— Помогите! Спасите!

Толпа расступилась, пропуская Лю-ши из третьей ветви семьи Вэй. Она, сама не своя от горя, вела под руки плачущую старуху Фан.

Глаза невестки опухли от слёз:

— Лекарь Ци, умоляю, посмотрите Саньняня! У него поясницу отняло, шевельнуться не может!

— Вы ведь городской лекарь? — причитала старуха Фан, пытаясь всунуть кошель с деньгами в руки старцу. — Идите скорее к нам, спасите нашего Саньняня! У нас есть серебро, мы богаче этих Ванов, только помогите...

Лекарь Ци, недолюбливавший заносчивых Вэев, обратился к коллеге:

— Раз здесь всё ясно, идите с ними, почтенный. Я присмотрю за этими бедолагами.

Старик кивнул и в сопровождении маленького подмастерья последовал за женщинами.

Две семьи, и обе в один день поражены тяжким недугом. Люди в толпе переглядывались, и по деревне пополз зловещий шёпот.

— Чудно всё это! Слишком уж складно выходит. Неужто малец и впрямь проклят?..

— Да будет вам небылицы плести! — возразил кто-то. — Ваны гнилья наелись, а Вэй Саньнянь на охоте спину сорвал. При чём тут ребёнок?

— Как это при чём? Самая что ни на есть прямая связь! — вскинулась тётка Лю, известная любительница поспорить. — Пусть Ван Чжуанцзы и не ангел, но он мальчишку в дом пустил, кормил — много ли, мало ли, а всё же давал еду. И что в ответ? Глаза у мальчика чёрные, недобрые. Неделю в деревне не пробыл, а в двух домах уже нестроение. Саньнянь парализован лежит, Ваны вон пол-акра земли продадут, чтобы за лечение расплатиться. Оборотень этот малец, истинно говорю!

Слово за словом, и ядовитое семя слухов начало прорастать в умах деревенских жителей.

Ветхая мазанка Ванов была окружена плотным кольцом любопытных. Когда староста вышел на порог, за ним, словно тень, следовал мальчик, крепко держась за руку Вэй Чэна. Ли Маодэ тяжело вздохнул:

— Малыш, тебя ведь Горшочком звать?

Ребёнок робко кивнул.

Староста помолчал, обдумывая решение:

— То, что случилось у Ванов... прости меня, дядя не доглядел. Думал, они люди тихие, присмотрят за тобой, а вышло, что едва жизнь твою не сгубили. Хочешь пойти со мной? В моём доме тебя никто не обидит.

— Опомнитесь, Ли-лаобань! — вскрикнула тётка Лю, чья страсть к пересудам была известна всей округе. — Вы — опора нашей деревни, голова всему делу! Нельзя вам подставлять себя под удар. К тому же... невестка ваша четыре года ждала, покуда понесёт, а ну как этот сглаз на неё перекинется? Сердце у вас доброе, да только о своих подумайте!

Жена старосты, стоявшая неподалёку, побледнела. Она бросила на мужа тревожный взгляд, но промолчала.

Тётка Лю, почуяв поддержку, вцепилась в рукав супруги Ли Маодэ:

— Вот-вот, матушка, прислушайтесь! В таких делах лучше перестраховаться. Я сама в городе слышала, как певцы о таких вещах сказывали. Подумайте хорошенько!

— Да замолчи ты уже, пустомеля! — отрезала матушка Доумяо, пробиравшаяся за сыном. — Лекарь ясно сказал: отравились они. Сами признались, что дитя голодом морили. При чём тут сглаз? Не носи чепухи ради красного словца!

— Ты погляди на неё! — взвизгнула тётка Лю. — Лекарь из города едва ушёл, как его старуха Фан к себе уволокла. Где этот малец — там и беда. Если ты такая смелая, так заведи его к себе! Что же ты стоишь? Твой Доумяо и так сорвиголова, посмотрим, не станет ли он ещё пуще бесноваться под одной крышей с проклятым!

— Я тебе сейчас язык-то укорочу! — взревела матушка Доумяо. Она сорвала с ноги башмак и запустила его в обидчицу. — Про кого ты «бесноватый» сказала?! Мой сын — золото, а твой Шаньцзы в восемь лет ему по пояс не дорос! Короткая ты, и порода у тебя короткая! Шла бы лучше медь зарабатывать, чтобы сыну мяса купить, а себе — мозгов прибавить!

Обувь угодила тётке Лю прямо в лоб. Та охнула, отшвырнула грязный башмак в сторону и бросилась в драку.

Вокруг поднялся шум, женщины сцепились, а мужики кинулись их разнимать. Староста рявкнул так, что все замерли:

— А ну стоять!

— С самого утра грызню затеяли, позор на всю деревню! — Ли Маодэ с трудом подавил гнев. Он повернулся к детям: — Горшочек, не слушай их. Пойдём со мной. У меня и зерно есть, и ребягня, будет с кем поиграть. Никто тебя пальцем не тронет.

Лицо жены старосты стало ещё мрачнее. Она лишь раздосадованно хмыкнула и, расталкивая толпу, ушла прочь.

Глава деревни проводил её взглядом, но ничего не сказал. Он посмотрел на Вэй Чэна:

— Чэн, если боишься за него, побудь у меня несколько дней. Как Горшочек привыкнет, вернёшься к себе.

Юноша молчал, глядя в землю. Горшочек сильнее сжал его пальцы и пролепетал:

— Не хочу... Горшочек не хочет к дедушке.

Ли Маодэ присел перед ним, смягчив голос:

— Глупыш, тебе больше некуда идти. Посмотри на своего брата Чэна: он и сам ещё ребёнок, а в доме Вэев его и за человека не считают. Как он тебя прокормит? Пойдём, ну же...

Мужчина протянул руку, но Горшочек спрятался за спину Вэй Чэна, вцепившись в него как в единственную опору. Голос малыша дрожал от слёз:

— Нет! Не пойду! В том доме Горшочка не любят!

Староста выпрямился:

— В моём доме слово Ли Маодэ — закон. Раз я сказал, что не обидят, значит, так и будет!

— Не пойду! — Горшочек отчаянно мотал головой. — Не хочу с дедушкой!

Ли Маодэ вздохнул:

— Вот же упрямец... Чэн, ну хоть ты ему скажи...

— Дядюшка Ли.

Вэй Чэн поднял голову. В его глазах читалась холодная решимость. Стиснув зубы, он произнёс:

— Не нужно вам брать Горшочка.

— Что ты хочешь этим сказать?..

Вэй Чэн крепко сжал маленькую ладошку. Она была ледяной. Мальчик помнил, что, когда он только нашёл найдёныша, руки у того, хоть и были в цыпках, всегда оставались тёплыми. Сколько же мук он перенёс за эти дни?..

— Раз я его нашёл, значит, мне за него и ответ держать. Кому бы я его ни отдал — душа будет не на месте. Поэтому я решил: отныне я сам буду заботиться о Горшочке!

Толпа так и ахнула:

— Что за вздор несёшь, малец? Восемь лет от роду, а собрался пятилетку растить?!

— Ишь, как просто всё у него! Где жить-то станете? В лесу, под кустом?

— Да семья Вэй его со двора спустит вместе с этим подкидышем! Саньянь из-за них калекой стал, они теперь жизни им не дадут!

— Ребячество одно! Глупость несусветная!

Горшочек тем временем тихо прошептал:

— Мне... мне только братик нужен. Больше никто... совсем никто.

Вэй Чэн, услышав это, едва заметно улыбнулся.

— Чэн, у тебя доброе сердце, — произнёс дядюшка Мао, и в голосе его послышалась гордость.

— Твой отец порадовался бы такой отваге. Но пойми: на дворе лютая зима! Как вы выживете? В моём доме, пусть нас и много, никто не станет чинить зла.

— Дядюшка Мао, я знаю, что вы желаете добра. Но вы слышали, что люди говорят? Мальца уже проклятым окрестили. Даже если вы — человек чести, другие в вашем доме затаят обиду. Я мал и мало что смыслю в жизни, но одно знаю точно: случись в семье хоть малейшая неудача — во всём обвинят Горшочка. Первый раз промолчат, а на второй — возненавидят. А ведь в деревне у каждого то корова захворает, то крыша протечёт. Куда бы он ни пошёл, везде на него будут волком смотреть. А я — нет. Я его нашёл и знаю, что он — чистое дитя.

Вэй Чэн погладил малыша по голове, не поднимая глаз:

— Его один раз уже бросили. Я не хочу, чтобы его бросали снова и снова.

Мальчик помолчал, а затем добавил:

— Я и сам давно хотел уйти от Вэев. Всё равно там впроголодь живу. Уж лучше самому себе хозяином быть, чем сносить побои да чужие приказы. Восемь лет — не беда, я ведь не вечно буду маленьким. Гора прокормит, я не первый год в лес хожу. У Вэев и Циней я лишь крышу над головой занимал, теперь и сам справлюсь. О Горшочке я позабочусь, обещаю.

Больше всего на свете Вэй Чэн не хотел, чтобы Горшочек, как он сам когда-то, превратился в мяч, который футболият из одного дома в другой с четырёх лет.

Ли Маодэ замер, поражённый словами юноши. Он и представить не мог, что восьмилетний ребёнок способен так глубоко видеть людей. Вэй Чэн был так же добр, как его отец, но куда прозорливее. Из такого человека выйдет толк.

Староста медленно кивнул:

— Что ж, парень, воля твоя. Силком держать не стану. Помню, у подножия горы стоит заброшенная мазанка. Там когда-то жил старик Ван, одинокий был человек. Как помер, дом и опустел. Деревенские то место не любят, стороной обходят, но крыша там крепкая. Если не боишься близости леса, живите там. Сейчас пришлю кого-нибудь, чтобы муку да крупу вам занесли. А весной придумаем что-нибудь получше.

Вэй Чэн низко поклонился:

— Спасибо, дядюшка Мао. Я этого не забуду.

Когда Ли Маодэ ушёл, любопытные тоже стали расходиться.

Матушка Доумяо уволокла сына, отрывая его за ухо. Доумяо всё пытался что-то сказать Вэй Чэну, активно жестикулируя, но расстояние было слишком большим. Подросток лишь недоумённо смотрел ему вслед, не понимая, что тот хочет сообщить.

— Братик.

Горшочек протянул свой маленький глиняный сосуд. Он не всё понял из долгого разговора, но осознал главное: теперь он будет жить с братом. Навсегда.

Вэй Чэн улыбнулся:

— Это же твоё сокровище. Неужто мне отдаёшь?

— Братику, — малыш не умел красиво говорить, но глаза его сияли. — Всё сокровище Горшочка — это братик.

— Раз это твоё богатство, то храни его крепко.

Мальчик присел перед Горшочком и тихо сказал:

— Послушай. Раз уж я тебя нашёл, то в обиду не дам. Обещаю: не стану тебя ни бить, ни ругать. Голодать больше не будешь — всё самое вкусное тебе достанется. Может, со мной и не так сытно будет, как у старосты, зато ты мне теперь единственный родной человек. И я тебя одного любить буду.

Глаза ребёнка покраснели:

— У Горшочка тоже... только братик. Горшочек будет... братику бобы искать.

Вэй Чэн рассмеялся и потрепал его по голове:

— Всё о бобах мечтаешь? Пойдём. Сначала заберём мои вещи у Вэев, а потом я отведу тебя в наше новое жильё.

В доме семьи Вэй царил хаос. Вэй Чэн велел Горшочку ждать под старым зизифусом в саду, а сам, ловко перемахнув через забор, пробрался в свою каморку.

Он достал плетёный короб, на дно которого уложил скатанное старое одеяло. Сверху набросал сухой травы, спрятал три уцелевшие картофелины и два корня батата. Туда же отправилось огниво, тонкие матерчатые туфли, рваный халат и сменное бельё — вот и всё нехитрое имущество.

Мальчик помнил, как в четыре года переезжал из дома Вэев к Циням. Тогда у него было много деревянных игрушек, которые отец вырезал для него долгими вечерами. Были нарядные туфли с тигриными головами, тёплые валенки, чистые рубашки... Но всё это отобрали родственники матери для её младшего племянника. Матушка тогда лишь велела ему терпеть.

Вещи исчезали одна за другой, и вскоре Вэй Чэн стал донашивать обноски за старшим двоюродным братом. Мать больше не покупала ему обновок, твердя, что «старое подлатать — ещё три года проносить», хотя над его заплатами смеялась вся деревня. В ту пору она уже работала в доме богача Суна и всё меньше заботилась о сыне.

А когда жена богача преставилась, Цинь-ши и вовсе приняла его предложение о замужестве.

Перемахнув обратно через забор, Вэй Чэн увидел Горшочка. Тот сидел на корточках, рисуя круги на снегу и что-то сердито бормотал себе под нос.

«Хм! Тот, кто братика бил — плохой...»

«Хм! Тот, кто Горшочка щипал — плохой...»

«Плохой, плохой... злой...»

Вэй Чэн невольно улыбнулся. Надо же, какой памятный малец.

Тем временем в доме Ванов.

Ван Чжуанцзы пришёл в себя. После двух чаш горького снадобья мертвенная бледность сошла с его лица. Он с надеждой посмотрел на супругу:

— Кажется... больше не режет.

Чжэн-ши, сидевшая в углу кана точно безумная, робко коснулась живота:

— И у меня... вроде отпустило...

Но не успели слова слететь с её губ, как новая судорога скрутила их внутренности. Чаша в руках Ван Чжуанцзы разлетелась вдребезги. Женщина зашлась в крике:

— Скорее! Зовите лекаря Ци! Снова началось!

Для лекаря этот день стал по-настоящему прибыльным — кошелёк Ванов заметно опустел.

В доме семьи Вэй.

Спина Вэй Саньняня была утыкана иглами, а в комнате густо пахло притирками для разгона крови. Домашним входить запретили, и он лежал один, изнывая от неподвижности.

Больше всего он боялся остаться калекой или потерять мужскую силу. Краем уха он слышал, что Вань тоже занедужили, и все в деревне винят в этом того подкидыша, которого притащил Вэй Чэн.

«Ничего, — злобно думал Саньнянь. — Вот встану на ноги, и пришибу этого щенка. Утоплю в речке — никто и не хватится. Или волкам в лесу скормлю, пусть подавятся. А Чэну ноги переломаю, чтобы не повадно было заразу в дом тащить. Живёт на моих харчах, так пусть знает своё место!»

Вспоминая взгляд племянника, Саньнянь ощущал необъяснимую тревогу. Нельзя давать мальчишке вырасти, иначе он отомстит за всё. Ведь в смерти Вэй Даньена третья ветвь тоже приложила руку, и Цинь-ши рано или поздно проговорится. Лучше ударить первым.

От ярости он вдруг почувствовал тепло в пояснице. Сначала закололо, потом потянуло... Кажется, сила возвращается!

Забыв о наставлениях врача, Саньнянь радостно дернулся. И правда, тело слушалось! Он попытался приподняться, чтобы сесть, но вдруг потерял равновесие и кулем рухнул с кровати

на пол.

Десяток игл по самую шляпку вошли в его плоть!

Мужчина захрипел, выплюнул сгусток крови. Боль была такой, будто внутренности поменялись местами.

— Чуньян! Матушка! Брат! Невестка! Спасите! — орал он во всё горло.

Но никто не шёл.

За дверью он отчётливо слышал голос Чуньян — она рассуждала о том, что надо нарезать курицу для бульона. Слышал голос старухи Фан, советовавшей добавить побольше ягод годжи. Слышал даже негромкий разговор городского лекаря с подмастерьем.

Но никто из них не слышал его отчаянных воплей.

Саньянь долго лежал на холодном полу, пока дверь наконец не распахнулась. Перед тем как окончательно лишиться чувств, он услышал испуганный вскрик Лю-ши.

— Братик, а куда мы идём?

Горшочек одной рукой держался за Вэй Чэна, а другой уплетал печёный батат. Его личико так и светилось от удовольствия.

Мальчик решил покормить малыша перед долгой дорогой, разведя небольшой костёр на окраине деревни.

— К моей матери.

— У меня есть серебряный замочек. Отец заказал его у мастера, когда я только родился. Матушка забрала его, когда мы уезжали к Циням — боялась, что украдут. Перед свадьбой она обмолвилась, что отдаст его мне позже. Теперь я ухожу из дома Вэй, и этот замок нам очень пригодится. На пол-ляна серебра мы купим тёплую одежду и зерно.

Горшочек вдруг остановился, его маленькое личико омрачилось. Вэй Чэн удивленно посмотрел на него:

— Что такое? Устал?

— Нет. Не устал.

Малыш поднял взгляд на брата:

— Давай не пойдём. Не нужен замок.

— Почему? Это же мой замок долголетия, память об отце. Конечно, я должен его забрать.

Вэй Чэн улыбнулся и легонько ущипнул Горшочка за щёку:

— Неужто боишься, что я увижу мать и того другого брата и брошу тебя?

Горшочек покачал головой, но Вэй Чэн уже всё для себя решил:

— Моя мать меня не любит. Она давно живёт своей жизнью, и я не собираюсь ей навязываться. А тот ребёнок мне не брат. Обещаю тебе: отныне ты — мой единственный младший брат.

Горшочек промолчал, опустив ресницы. Он снова взял Вэй Чэна за руку, но печёный батат больше не казался ему таким вкусным.

Деревня Цзянхэ находилась совсем рядом с Маоси, но для двух маленьких детей путь занял больше часа.

Дом богача Суна был таким же просторным, как у Ли Маодэ. Крыша под синей черепицей, а ворота — не простые, плетёные, а тяжёлые, из чёрного дерева.

Вэй Чэн постучал. Вскоре дверь приоткрыл смуглый работник. Он смерил мальчика взглядом и грубо спросил:

— Кого ищешь?

— Мне нужна... хозяйка дома.

Работник нахмурился:

— Кто ты такой? Назовись, чтобы я знал, о ком докладывать.

— Вэй Чэн из деревни Маоси.

Мужчина удивленно вскинул брови:

— Так ты Вэй Чэн?

— Вы меня знаете?

Тот усмехнулся:

— Ты три года в нашем селении у деда жил, как же тебя не помнить? Жди здесь, я передам хозяйке.

Дверь закрылась. Подросток посмотрел на Горшочка. Тот безучастно ковырял носком туфли снег, не проявляя никакого интереса к богатым воротам.

— Замёрз?

Мальш поднял личико и улыбнулся:

— Нет. А ты?

— И я нет.

Над воротами был широкий навес, так что они были защищены от колючей изморози. Но шло время, а работник всё не возвращался. Лицо Вэй Чэна становилось всё мрачнее.

Он не питал иллюзий насчёт матери. За все эти годы, пока он мёрз и голодал, она ни разу не поинтересовалась его судьбой. Юноша знал: он ей в тягость.

Причина была проста: Цинь-ши никогда не любила его отца. Её семья была бедна, и братья мечтали выдать красавицу-сестру подороже. Женщина была первой красавицей в округе, и претендентов хватало, но её сердце принадлежало деревенскому грамотею. Однако мать того юноши и слышать не хотела о бедной невестке. Разразился скандал, и тут появился Вэй Даньен. Он влюбился с первого взгляда и выложил все свои сбережения в качестве выкупа. Семья Цинь тут же отдала дочь, лишь бы прекратить толки.

Вэй Даньен души не чаял в жене, отдавал ей каждую заработанную монету. Но Цинь-ши презирала его за грубость, за вечный запах крови от добычи и шрамы, полученные на охоте. Она терпела его лишь потому, что он исполнял любую её прихоть. Так родился Вэй Чэн.

Сын пошёл в мать: белая кожа, тонкие черты лица, большие выразительные глаза. Лишь ростом он обещал пойти в отца. Поначалу матушка даже любила его. Но стоило мужу

погибнуть, как она, едва выждав срок траура, вышла за богача Суна и вскоре родила ему наследника. О старшем сыне она предпочла забыть.

В прошлом году Вэй Чэн, истосковавшись по ласке, тайно прибежал в Цзянхэ. Цинь-ши лишь окинула его холодным взглядом, придерживая рукой тяжёлый живот, и велела уходить. С тех пор в сердце мальчика не осталось места для надежды.

Стемнело. С улицы донеслось фальшивое пение. Пьяный богач Сун остановился у своих ворот.

— Что за мелюзга под моими дверями?

Вэй Чэн подтолкнул заснувшего было Горшочка:

— Я ищу хозяйку дома.

— А ты кто таков?..

— Вэй Чэн из Маоси. Мне нужно поговорить с вашей женой.

— А, так ты и есть Вэй Чэн!

Мужчина подошёл ближе, обдав детей перегаром. Он похлопал мальчика по плечу. Сквозь хмель он казался почти добродушным:

— Какая ещё «хозяйка»? Это же мать твоя. А это кто с тобой?..

— Он со мной, — коротко бросил Вэй Чэн.

— Чего ж на пороге стоите? Идём в дом, здесь ты не чужой.

Сун Тянь звучно ударил в ворота. Выбежал тот же работник и, заискивающе кланяясь, открыл створки:

— Хозяин, извольте войти...

Богач вылупил глазки на слугу:

— Ты как службу несёшь? Почему дети на морозе ждут? Если по деревне слух пойдёт, что Сун Тянь пасынка на пороге держит, что о мне люди скажут?! Скажут, тиран я и злодей! Ты почему хозяйке не доложил?

Слуга засуетился:

— Виноват, хозяин! Закрутился, из головы вылетело!

— Впредь Вэй Чэна пускай без доклада, понял? На первый раз прощаю. — Сун Тянь снова улыбнулся мальчику: — Идём, Чэн, повидаемся с матушкой...

Вэй Чэн слишком хорошо знал, что такое жить под чужой крышей, чтобы верить в это напускное радушие. Но серебряный замок был ему необходим.

По пути в главную залу Сун Тянь продолжал ворчать:

— Совсем ты, парень, мать забыл. Год глаз не казывал...

— А она ведь тоскует, места себе не находит...

— Мать есть мать, как вырастешь да разбогатеешь, первым делом её почитай...

— И не серчай, что она за меня вышла. Вдове одной несладко, а я её в дом взял. Если б не личико её пригожее, я б и помоложе девку нашёл...

Мальчик молча сносил эти речи, сжимая кулаки.

В просторном, ярко освещённом зале Сун Тянь распорядился:

— Эй, старуха, неси сладостей да орехов. Парень у Вэев впроголодь живёт, небось и вкуса сахара не знает.

Пожилая служанка, переглянувшись с хозяином, поняла его без слов.

— Сейчас всё сделаем, — угодливо пробормотала она.

Пока накрывали, богач принялся хвастаться своим достатком. Мол, Цинь-ши в прошлой жизни много добрых дел совершила, раз ей выпала честь стать его женой. Горшочек слушал это, и ему хотелось закрыть Вэй Чэну уши, чтобы тот не слышал этой мерзости.

Вскоре служанка вернулась с двумя блюдцами. На одном лежали обломки медового пирожного — пара кусочков размером с ноготь, остальное — крошки вперемешку с пылью. Видно было, что сласти залежались. На втором блюдце были орехи, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это пустая скорлупа и гнилые плоды, которые не разгрызть без молотка.

Сун Тянь довольно осклабился:

— Угощайся, Чэн. И ты, малец. Ишь, какой пригожий, если б не знал, подумал бы, что вы братья родные.

Вэй Чэн не шелохнулся, по-прежнему сжимая руку Горшочка. Малыш тоже не сводил взгляда с брата.

— Благодарю за милость, — холодно ответил юноша. — Оставьте эти лакомства своим домочадцам.

Он старался сдерживаться, помня о замке. Но богач уже сбросил маску:

— Домочадцам? Да мои псы такое есть не станут! Это как раз для таких, как вы — вовремя подоспели к корыту.

Вэй Чэн уже открыл рот, чтобы ответить, но Горшочек опередил его:

— Это вы сами едите?

Сун Тянь злорадно усмехнулся:

— Я же сказал — скотина это ест. Ты что, человеческой речи не понимаешь, отродье?

— Понимаю, — спокойно отозвался малыш. — Горшочек думал, это вы — скотина. Вы такой толстый, вонючий... Неужто по ночам к хрюшкам спать уходите?

Лицо мужчины налилось кровью, жир на щеках затрясся:

— Ах ты, маленькая дрянь! Что ты сказал?!

— Полно вам, что за шум?

В дверях появилась женщина в наряде из добротного синего сукна. Волосы её украшали серебряные шпильки, на запястье поблескивал тонкий браслет. На руках она держала упитанного младенца.

Сун Тянь тут же расплылся в улыбке:

— Ох, сыночек мой! Весь день по тебе скучал! — Он повернулся к Цинь-ши: — Чем сегодня

Баоэрку кормили?

Мать принялась лениво перечислять:

— Утром — чаша овечьего молока да яйцо, на обед велела из города сладостей привезти — пять видов взяли. Да только он привереда: начинку выест, а корки ногами топчет. На ужин — мясо на косточке, паровые пирожки с капустой да отвар боярышника...

Слушая, как они бахвалятся своим сытым житом, Вэй Чэн не выдержал:

— Цинь-ши. Я пришёл сюда не за вашими объедками. Мне нужен мой замок долголетия, который отец подарил мне при рождении. Вы обещали сберечь его до моего совершеннолетия. Я ухожу из дома Вэй и требую вернуть мою вещь.

Лицо матери осталось бесстрастным:

— Какой ещё замок? Твой отец был простым охотником, едва концы с концами сводил. Откуда у него серебро на такие вещи? Уж не привиделось ли тебе в голодном бреду?

— Я носил его до четырёх лет! — вскричал подросток. — На нём с одной стороны узор из облаков, а с другой — серебряный дракон. Четыре колокольчика: лотос, слива, бамбук и орхидея. Отец всегда говорил, что это пожелание стать благородным мужем. Вы забрали его, когда мы уезжали к Циням!

— Ах, это... — притворно задумалась женщина. — Помню, было что-то такое. Да только Вэй его и украли. Я как из их дома вышла, так его больше и не видела. Видно, твои дядюшки — известные воры — прибрали замок к рукам.

Богач презрительно фыркнул:

— Посмотри на свою мать! На ней украшений на десять таких безделушек хватит. Неужто ты думаешь, что семья Сун станет мараться из-за твоего грошового серебра?

— Я точно помню: вы сами сняли его у меня с шеи, когда мы пришли к семье Цинь! — Вэй Чэн с горечью смотрел на мать. — Вы отдали им всё: отцовские вещи, мою одежду, сапоги... Но замок — это память! Это пожелание мне долгой жизни и здоровья! Неужто я для вас — пустое место?

Он стоял перед ней с пробитой головой, прикрытой окровавленной травяной повязкой, в лохмотьях, но Цинь-ши даже не поинтересовалась, что с ним случилось.

Мать отвела взгляд:

— Я не знаю, где твой замок. Уходи.

Юноша сделал шаг вперёд:

— Верните замок! Иначе я пойду к старосте, в управу! Никому спокойной жизни не дам!

— Ха-ха-ха! — богач Сун закатился смехом, подбрасывая на руках сына. — Слышь, Баоэрка, комар слону грозитя! Ты — прах под моими ногами, щенок!

Маленький Баоэр весело заагукал, размахивая пухлыми ручонками, и Вэй Чэн замер. На шее младенца поблескивало серебро.

— Мой замок... — прошептал он, и лицо его полыхнуло гневом. — Это мой замок на нём надет!

Вэй Чэн бросился было вперёд, но служанка с силой оттолкнула его.

— Прочь! — Лицо Сун Тяня исказилось. — Взбеленился, паршивец! На моего наследника руку поднял?! Старуха Ма, проучи его!

Служанка замахнулась, но Горшочек вдруг встал перед братом, раскинув худые ручонки:

— Не смей бить братика!

Его глаза пылали праведным гневом. Малыш дрожал, но голос его звучал звонко:

— Злые люди! Не смейте его трогать!

Старуха Ма на мгновение опешила. Вэй Чэн, взяв себя в руки, оттащил ребёнка назад. Он в последний раз посмотрел на Цинь-ши:

— Что ж, оставляйте его себе. Пусть ваш Баоэрка его носит. Считаю, я ему подарил.

Женщина лишь надменно фыркнула:

— Подарил он! Это и так вещь моего сына!

Вэй Чэн не стал спорить. Он подхватил Горшочка на руки и вышел в холодную ночь.

Замок долголетия — «Чанмин со». Но в его сердце это название теперь звучало иначе — как

«Замок возмездия».

Пусть всё то зло и горе, что предназначалось ему, теперь перейдёт к тому, кто украл его судьбу. Отныне за каждую его слезу другие заплатят сполна.

<http://bllate.org/book/15346/1372667>